

© В. С. РУКОСУЕВ, 2007

УДК 616-091:93]:92 ДАВЫДОВСКИЙ

Ключевые слова: история медицины, И. В. Давыдовский

В. С. Рукосуев¹

ВОСПОМИНАНИЯ О РАБОТЕ В ЛАБОРАТОРИИ АКАДЕМИКА И. В. ДАВЫДОВСКОГО

Впервые я услышал о знаменитом профессоре, работающем в Москве, от отца. Отец работал хирургом в госпитале г. Мичуринска и периодически привозил Ипполиту Васильевичу для консультации фрагменты верхних и нижних конечностей с "раневым процессом". Позднее я узнал, что аналогичные препараты доставлялись и из других госпиталей. В конечном итоге это способствовало написанию И. В. Давыдовским монографии "Огнестрельная рана человека", изданной в 1952 г.

Увидел же я И. В. Давыдовского в 1961 г. на защите докторской диссертации отца, на которой Ипполит Васильевич выступал официальным оппонентом. В 1952 г. я успешно сдал вступительные экзамены и поступил на лечебный факультет II Московского медицинского института им. Н. И. Пирогова. В начале V курса, вняв наставлениям отца, я направился на кафедру патологической анатомии, руководимой И. В. Давыдовским. На кафедре по стечению обстоятельств я сразу встретил своего бывшего преподавателя Н. Н. Пятницкого и "с места в карьер" поинтересовался, какой научной проблемой занимается кафедра. Ни-

колай Николаевич ответил: "Разными, только с интересом и любовью". И вот мы совместно с Н. Н. Пятницким по его инициативе занялись особенностями кровоснабжения злокачественных опухолей печени. Работа проводилась на индуцированных гепатомах крыс и опухолях человека на секционном материале. Общий вывод работы заключался в том, что злокачественные опухоли самостоятельно формируют свое кровоснабжение. Работа была доложена на III Всероссийском съезде патологоанатомов в Харькове в 1958 г.

После окончания института я сдал письменный и устный экзамены по патологической анатомии и стал аспирантом кафедры. Но занятия в аспирантуре начались позже 1 сентября — вместе с аспирантами других кафедр и сотрудниками института я был направлен на работу "на целинные земли". Я проработал в Казахстане около 3 мес.

Вернувшись в Москву, я поехал на кафедру. И. В. Давыдовский принял меня очень радушно, пожал руку, поинтересовался трудовыми подвигами и пожелал успешной научной работы. Первые годы аспирантуры много времени уходило на штудирование философии со сдачей экзаменов. По совету Ипполита Васильевича и при его содействии начал посещать курс лекций по биохимии в МГУ, который читал акад. С. Е. Северин.

¹Доктор мед. наук, лауреат Государственной премии СССР, Вадим Сергеевич Рукосуев — сотрудник лаборатории И. В. Давыдовского с 1958 по 1968 г.

К своему стыду вынужден признаться, что, будучи студентом, посещал лекции по патологической анатомии весьма неаккуратно. Но, став аспирантом (к тому же ответственным за демонстрацию на лекциях), я прослушал весь курс лекций, которые читали акад. И. В. Давыдовский, проф. И. К. Есипова, доценты Л. А. Гулина и Г. А. Чекарева. Все читали лекции на высоком уровне. Но Ипполит Васильевич чаще позволял себе неординарные замечания, вызывая ответную реакцию студентов. Кроме того, много времени в аспирантуре уходило на подготовку практических занятий со студентами III курса, освоение вскрытий с постановкой диагноза, ознакомление с различными способами фиксации и заливки кусочков тканей, точку и правку бритв, приготовление целлоидиновых и парафиновых срезов, работу на замораживающем микротоме, освоение основных методов окраски срезов.

В начале 1961 г. я был из аспирантов переведен на должность младшего научного сотрудника лаборатории патологии старости НИИ морфологии человека АМН СССР.

Я не предполагал продолжать заниматься изучением кровоснабжения опухолей и находился в поисках более интересной темы. И вот как-то при случайном разговоре И. К. Есипова посоветовала мне освоить новейший метод идентификации антигенов в срезах тканей, предложенный зарубежным исследователем Кунсом. Этот новейший современный метод исследования открывал большие перспективы, однако оказался достаточно сложным и трудоемким, требующим специальной техники.

И вот, запасшись письмом от И. В. Давыдовского, я направился к акад. Л. А. Зильберу, руководителю лаборатории НИИ микробиологии им. Н. Ф. Гамалеи, в которой впервые в нашей стране стал применяться метод Кунса. К сожалению, я узнал, что для осуществления этого метода необходимы два основных прибора — флюоресцентный микроскоп и криостат. Последний в нашей стране еще не выпускался, но был сконструирован местными умельцами НИИ микробиологии лишь в единственном экземпляре.

Мне не отказали в использовании обоих приборов. Но большие расстояния между нашими институтами делали работу на два фронта нереальной. Необходимо было налаживать все процедуры у себя в лаборатории. Пробы в лаборатории Л. А. Зильбера около 1 мес, я дополнительно освоил многие иммунологические тесты, которые могли мне понадобиться в дальнейшем: реакцию преципитации в агаре, иммуноэлектрофорез, реакцию гемагглютинации, методы выделения иммуноглобулинов, метку их флюорохромом и многие другие. Во всем этом мне очень помогла Наталия Владимировна Энгельгардт, к которой я неоднократно обращался в последующем, и я очень благодарен ей за помощь и советы.

Вернувшись к себе в лабораторию, я загоревал, и было от чего. Мне была предоставлена комната в цокольном этаже здания, под секционным залом. Войдя туда, я буквально пришел в ужас. Большую часть площади в центре комнаты занимал старый прототип немецкого флюоресцентного микроскопа 30-х годов XX века, состоящий из обычного микроскопа, опутанного сетью экранированных

проводов, оканчивающихся двумя угольными электродами (толстым и тонким), соединение которых и вызывало яркую вспышку (типа прожектора) с резким повышением температуры в комнате. Что-либо разглядеть в окуляры удавалось с большим трудом и нерегулярно. Большая часть досок пола сгнила, оголив землю. Стены были в многочисленных трещинах, с дефектами облицовки. Отопительные батареи представлены всего лишь двумя секциями. В полном смятении я поднялся к Ипполиту Васильевичу и попросил его зайти в мою так называемую лабораторию. Придя, он сразу понял обстановку и принял необходимые меры. За неделю лаборатория преобразилась. Был сделан полный ремонт, поставлены дополнительные секции отопительных батарей, лабораторный и письменный столы, вытяжной шкаф, холодильник, дистиллятор. Иными словами, лаборатория преобразилась и стала пригодной для экспериментальной работы, которую я немедленно и начал. Благодаря бывшему парторгу НИИ морфологии Ю. Сутулову и его знакомым в мой полуподвал был доставлен флюоресцентный микроскоп.

Оставалась другая очень сложная проблема — получение нативных срезов с замороженных кусочков. После долгих раздумий и многочисленных экспериментов удалось из замораживающих микротомов соорудить некое подобие криостата. Не скрою, потребовалась длительная практика, прежде чем удалось получать серии нативных срезов многочисленных тканей (6—8 срезов по 5 мкм и 3—4 среза по 2,5 мкм). В этой работе мне очень помогла пришедшая в аспирантуру на кафедру на 2 года позднее меня Н. А. Пробатова. Для решения поставленной перед ней задачи — исследования жировой дистрофии миокарда — были необходимы как нативные замороженные срезы миокарда крысы, окрашенные на жир, так и показатель окислительно-восстановительных процессов, который определялся реакцией с нитросиним тетразолием, только что синтезированным в НИИ тонкой химической технологии. Обычно мы работали в паре, помогая друг другу.

Я чрезвычайно благодарен Ипполиту Васильевичу за постоянную заботу и поддержку. Что касается моей научной тематики, то по согласованию с И. В. Давыдовским я решил изучать состав гиалина мелких сосудов селезенки человека, тем более что дефицита в материале не было и серийные замороженные срезы селезенки при определенном навыке получались без особого труда. Но так или иначе мне потребовалось прежде всего выделить отдельные фракции плазмы крови человека, а также миозин гладкой (матка) и поперечно-полосатой (мышцы нижних конечностей) мускулатуры человека, так как данных об этих двух типах миозина найти в литературе не удалось. Ко всем упомянутым белкам были получены кроличьи антисыворотки, активность и специфичность которых проверялись соответствующими тестами.

То, что миозин гладкой мускулатуры не идентифицирован в антигенном отношении миозину произвольной мускулатуры, по-видимому, было впервые установлено в нашей лаборатории. Это различие в дальнейшем позволило точнее установить гистогенез ряда опухолей. Что касается гиалина сосудов селезенки человека, то он оказался по составу весьма полиморфным: включал многие белки плазмы

крови, часто миозин гладкой мускулатуры и белки стромы.

На протяжении последующих лет метод Кунса (метод флюоресцирующих антител) был значительно усовершенствован, что позволило локализовать многие антигены как во флюоресцентном, так и в световом и электронном микроскопах и решить многие проблемы гиалиноза, амилоидоза, дифференциальной диагностики ряда опухолей человека.

Вынужденный постоянно работать в виварии, таскать мешки с кормами, я в лаборатории одевался очень просто и иногда даже появлялся в комбинезоне, за что нередко вызывал нарекания со стороны Ипполита Васильевича. Но вот как-то раз Ипполит Васильевич, вызвав меня в кабинет, в категорической форме заявил, чтобы завтра с утра я был одет *comme il faut*. Действительно, на следующее утро к подъезду корпуса подкатил ЗИМ и мы вместе с Ипполитом Васильевичем прямым путем, без всяких остановок проехали на территорию Центральной кремлевской больницы. Поднялись на второй этаж и направились в палату акад. Владимира Александровича Энгельгардта. Он принял нас очень радушно, заинтересовался моими фотографиями с локализацией миозина гладкой и поперечно-полосатой мускулатуры. В. А. Энгельгардт посоветовал мне обратиться к его жене Милице Николаевне, которая работала в одном из НИИ, занимаясь изучением сократительных белков у ряда растений, например мимозы. В дальнейшем в результате совместной работы нами был сделан вывод, что, по-видимому, различного происхождения сократительные белки обладают и различными антигенными свойствами.

Многие приходившие ко мне приятели и знакомые отмечали в лаборатории располагающую обстановку. Действительно, в лаборатории не было и намека на чинопочитание. И большая заслуга в этом Ипполита Васильевича. Вспоминаю, как наряду с другими сотрудниками лаборатории Ипполит Васильевич отмечал новоселье нашего санитаря Антона Петровича Полторака на новой квартире.

Необходимо отметить огромный полемический талант Ипполита Васильевича, который исключительно ярко, жестко, но с юмором и сарказмом проявлялся при обсуждении острых проблем медицины и биологии. Подобные проблемы чрезвычайно размножились в период 50—60-х годов. Категорические взгляды Лысенко, бредовые идеи Лепешинской — лишь их малая толика. А каких моральных трудов стоило Ипполиту Васильевичу отстаивать взгляды корифея клеточной патологии Р. Вирхова. Лекционные залы, где выступал Ипполит Васильевич, всегда были переполнены, даже у верхних окон теснились студенты.

Будучи весьма гостеприимным хозяином. Ипполит Васильевич, ежегодно празднуя свой день рождения, приглашал на дачу массу гостей. Здесь можно было встретить и маститых академиков (А. Л. Мясникова, Н. А. Краевского, А. В. Смольяникова), и молодых аспирантов и ординаторов. Все чувствовали себя свободно и раскованно. Гуляли по саду, лесу, купались в речке, танцевали. Часто по приглашению Ипполита Васильевича я приезжал к нему на дачу, катался на лыжах, гулял с ним вдоль реки. Однажды по просьбе жены Ипполита Васильевича я сопровождал его на охоту в район Мещеры, где любили охотиться С. С. Юдин, Н. А. Краевский и др. Ипполит Васильевич подстрелил тетерева, а я вернулся с ворохом впечатлений.

Как-то раз в комнату на даче, где я беседовал с Ипполитом Васильевичем и его детьми, смело, широким шагом вошел высокий статный мужчина. Кратко поделившись с хозяином новостями, он вдруг встал, подошел к роялю и, аккомпанируя себе, спел несколько прекрасных русских романсов, потом, попрощавшись, ушел. Им оказался известный ученик И. П. Павлова академик Петр Кузьмич Анохин.

В лаборатории регулярно проходили конференции по обсуждению трудных вскрытий, диагноза, с просмотром трудных биопсий. В середине 60-х годов Ипполит Васильевич в течение года проводил для всех сотрудников несколько показательных вскрытий. Сотрудники, в свою очередь, выступали с докладами по современным проблемам медицины и патологии. Досконально обсуждались предлагаемые к защите диссертации. Работники лаборатории активно участвовали в общепольничных конференциях. Проводилась оценка работы аспирантов и ординаторов. Конечно, более раскованными были собрания, посвященные защищенным диссертациям. Ипполит Васильевич всегда приветствовал веселье с танцами. Как-то он подошел ко мне и упрекнул, что я курю, а не веселюсь. "А мы, бывало, — произнес он, — прочтем курс лекций, а потом день и ночь все танцуем и танцуем!"

Ипполит Васильевич, безусловно, обладал глубоким оригинальным, критическим умом, огромной широтой знаний и творческим подходом к решению многих проблем биологии и медицины. Видимо, этим объясняется и подбор сотрудников, аспирантов и ординаторов.

Творческая обстановка в научном коллективе, возглавлявшемся Ипполитом Васильевичем, способствовала раскрытию способностей его учеников и соратников и во многом определила успехи этого коллектива, заслужившего признанную славу школы И. В. Давыдовского.

Ипполит Васильевич умер совершенно неожиданно, казалось, при полном здоровье, от инсульта в 1968 г.